

ЭГОТЕМА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Е.Н. Радион

Минский государственный лингвистический университет

г. Минск, Республика Беларусь

email: elenaradion@yahoo.com

Данная статья посвящена конкретизации понятия эготемы (Я-темы или темы говорящего) в исследованиях тематической организации разговорной речи. Автор последовательно разграничивает эготему и другие понятия, являющиеся проявлениями языковой личности в тексте: модальность, риторический этос и иллокутивный смысл высказывания.

Ключевые слова: эготема; тема говорящего; Я-тема; модальность; этос; иллокуция.

Тематика разговорной речи напрямую связана с языковой личностью говорящего. М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова отмечают, что центральной темой непринужденного общения является человек: личность, характер, образ жизни, сфера деятельности, социальные связи и т.д. Существенным оказывается фактор принадлежности темы к личной сфере (моя жизнь, моя семья, мои друзья) и неличной сфере говорящего [5, с. 31]. Т. В. Матвеева называет данную тематическую направленность «Я-темой», при этом однозначно констатируя: «Разговорных речевых произведений без Я-темы не существует» [6, с. 114]. Е. А. Земская также подчеркивает личностную ориентацию разговорной речи, отмечая «непреодолимое желание человека говорить о самом себе» [3, с. 416]. И. Н. Борисова определяет эготему как «тему говорящего, которая противопоставляется предметной и ситуативной тематике» [1, с. 244].

Однако, исследовательская уверенность в том, что люди склонны в разговорной речи говорить большей частью о себе, представляет собой очень общее наблюдение, которое никак не конкретизируется на уровне языковых и коммуникативных ресурсов. Кроме того, личностная ориентация может проявляться в отношении говорящего к высказыванию и в прагматической направленности речи, поэтому не всегда будет представлена на уровне содержания разговора. Что касается

терминологии, то такие понятия, как «Я-тема» и «тема говорящего», используются авторами скорее метафорически, чтобы подчеркнуть вездесущее присутствие личности с ее интенциями и пресуппозициями в коммуникативном контексте.

Следовательно, мы полагаем, что здесь наблюдается дефиниционная неточность, поскольку исследователи разговорной речи слишком широко и образно трактуют понятие Я-темы (темы говорящего, эготемы), подразумевая под этим термином самые разнообразные проявления языковой личности в тексте, но тогда возникает вопрос, чем Я-тема будет отличаться от модальности как личного отношения к сказанному или от лингвопрагматической иллокуции как коммуникативного намерения? Поскольку наше исследование тематической организации семейного дискурса опирается на терминологию И. Н. Борисовой (текстотема, ситуатема, эготема), мы столкнулись с необходимостью конкретизировать понятие эготемы и разграничить его с другими лингвистическими явлениями, сигнализирующими о присутствии языковой личности в тексте.

Эготема и модальность. Модальность как текстовая категория, в отличие от эготемы, действительно, вездесуща и обладает собственными языковыми средствами реализации, выявление которых также может представлять отдельную исследовательскую проблему. И. Р. Гальперин отмечает, что «отношение говорящего (пишущего) к действительности, постулируемое как основной признак модальности, в той или иной мере характерно для всякого высказывания» [2, с. 113]. При этом автор указывает на некоторые различия между пониманием модальности в грамматике и модальности как категории текста, подчеркивая, что большинство грамматистов рассматривают модальность как выражение реальности или нереальности высказывания. Тем не менее у Н. Ю. Шведовой находит выражение субъективно-оценочный фактор как признак модальности: «Кроме заложенного в системе форм предложения объективно-модального значения, относящего сообщения в план реальности/ирреальности, каждое высказывание обладает субъективно-модальным значением» [2, с. 114]. И. Р. Гальперин все-таки подчеркивает, что далеко не каждое высказывание может транслировать личностно ориентированный оценочный смысл, приводя примеры научных текстов, сообщающих объективную информацию. С другой стороны, мы склонны здесь согласиться с Н. Ю. Шведовой, поскольку в коммуникации отсутствие признака может быть тоже интерпретировано как признак: отсутствие субъективной оценки может нести в себе личностный смысл, например, желание быть объективным и намеренно воздержаться от высказывания мнения.

Далее И. Р. Гальперин рассматривает языковые средства выражения субъективно-оценочной модальности как отношения говорящего (пишущего) к сообщаемому, предлагая выделить грамматические и лексические средства, которые могут быть довольно однообразны, но постепенно накапливаясь в тексте, окрашивают содержательно-фактуальную информацию личностным отношением писателя: «текстовая модальность выявляется тогда, когда читатель в состоянии составить себе представление о каком-то тематическом поле, то есть о группе эпитетов, сравнений, описательных оборотов, объединенных одной доминантой и разбросанных по всему тексту» [2, с. 118].

Автор иллюстрирует свои рассуждения на примерах речевых портретов персонажей из известных литературных произведений – «Войны и мира» Л. Н. Толстого и «Рождественской песни» Ч. Диккенса, «Портрета Дориана Грея» О. Уайльда и др., делая вывод о том, что отношение читателя к персонажам вызвано отношением к персонажам самого автора. Интересно, что Ю. Н. Караулов, концентрируясь на изучении речевых портретов литературных персонажей, подчеркивал, что восприятие персонажа (понимание заложенной в тексте модальности) зависит от компетентности читателя [4, с. 31], то есть умения читателя грамотно интерпретировать отношение автора, но в современных литературных реалиях это представление не совсем актуально.

С учетом современных представлений о литературной критике, можно с уверенностью сказать, что восприятие литературного текста зависит не только от отношения автора к своим персонажам, но и от ценностного мировоззрения, преобладающего в культуре конкретного читателя. В качестве показательного примера хотелось бы привести рассказ Джеффри Арчера «Дешево – за полцены», главной героиней которого является лишенная духовности и душевных переживаний женщина по имени Консуэлла, думающая только о деньгах и социальном статусе. В рамках англоязычной дисциплины «Дискурсивная практика» студенты заочного отделения Минского государственного лингвистического университета читают и обсуждают этот рассказ, комментируя свое отношение к главной героине. На основании личного педагогического опыта можно сказать, что еще 20 лет назад студенты с легкостью улавливали сатиру и насмешливое отношение автора к героине и ее жизненным ценностям, но сейчас Консуэлла воспринимается как героиня нашего времени и женская ролевая модель. И дело не в неумении студентов анализировать языковую личность и отличать линию автора от линии персонажа, а в том, что за последние десятилетия полностью изменилась ценностная мировоззренческая парадигма читателя. Студенты прекрасно понимают, что за личность

перед ними, даже без компетентного лингвистического анализа, просто общественная мораль настолько изменилась, что современный молодой читатель, представитель поколения Z, уже не понимает, над чем надо смеяться в этом рассказе, если героиня так прекрасна в своей холодной красоте и сексуальности, на фоне которых ее невежество и духовная недоразвитость не кажутся недостатками. Скорость, с которой развивается и меняется современное научное мышление, приводит к тому, что в практику исследования текстов было введено понятие дискурс как форма взаимодействия текста с читателем, в процессе которой актуализируются смыслы – не обязательно те, которые были заложены автором, а именно те, которые увидел читатель, исходя из собственных представлений о культуре, морали и жизненных ценностях.

Эготема и этос. Влияние нового, ориентированного на читателя *zeitgeist*, вызвало интерес к древнегреческой риторической практике построения текста, в которой модальность как отношение автора к сообщаемому отделяется от того, как читатель (слушающий) воспринимает самого автора.

В этой связи в современной теории коммуникации и неориторике принято рассматривать такое проявление языковой личности в тексте, как этос, которое не является тождественным ни эготеме, ни модальности. В очень упрощенном виде этос (термин Аристотеля) обозначает воздействие на слушателя посредством авторитета личности оратора. Однако убеждающая личность оратора может не актуализироваться на вербальном уровне, потому что иногда сама по себе личность – уже аргумент, пусть и не всегда рациональный. Примером может служить использование личностей знаменитых людей для рекламирования товаров. Однако чаще всего этос обнаруживается на различных языковых уровнях (семантическом, когнитивном и прагматическом), создающих в совокупности ту самую линию автора (по Ю. Н. Караулову), которая связана не с содержанием сказанного, а с образом (позитивным или негативным) говорящего. Именно древнегреческий этос является общим риторическим концептом, объединяющим вербальные и невербальные средства, которые намеренно или непреднамеренно доносят до слушающего информацию не только о содержании сказанного, но и о личности говорящего.

В качестве показательного примера хотелось бы привести кинокритику американского кинокритика Босни Кроутера 1960-ых на фильм «Бонни и Клайд», в которой критик не просто негативно отзывается о не вписывающемся в традиционные рамки фильме, а демонстрирует открытое презрение к кинокартине. Текст кинокритики, пропитанный негативной модальностью, сообщает читателю инфор-

мацию не только об отношении автора к описываемому фильму, но и об авторе как о человеке. Как сформулировал один из студентов, с которыми мы читали эту рецензию на занятиях по практической риторике в Минском государственном лингвистическом университете, «из статьи видно, что автор – напыщенный консервативный тип, заик- ленный на вербальном доминировании». На вопрос, как вы это поня- ли, студенты ответили: «это чувствуется между строк». Сложность за- ключается в том, что, с одной стороны, в риторике четко разграничи- ваются понятия пафоса (отношения к тому, о чем мы говорим, то есть фактически модальности в лингвистических терминах) и этоса (образа языковой личности говорящего в глазах слушающего); с другой сто- роны, для создания пафоса и этоса используются одни и те же языко- вые средства. Например, эпитет с негативной коннотацией помогает понять отношение автора к предмету обсуждения, но выбор этого эпитета может сообщить информацию о ценностных представлениях автора, о его личности и характере, что, в свою очередь, определяет степень доверия читателя. В частности, рассмотрим, как Б. Кроутер описывает главных героев ненавистного фильма: *it has Mr.Beatty clowning broadly as the killer who fondles various types of guns..., and it has Miss Dunaway squirming grossly as his thrill-seeking sex-starved moll* ‘в нем (фильме) есть мистер Битти, который хвастливо паясничает в роли убийцы, нежно поглаживая различные виды оружия... и мисс Данауэй, которая вульгарно извивается в роли его ищущей острых ощущений, изголодавшейся по сексу подружки’ [7]. Автор демон- стрирует негативное отношение не просто к фильму и его героям. Ми- стер Битти и мисс Данауэй – фамилии актеров, сыгравших роли Бонни и Клайда. Референция не к персонажам, а к актерам, звучит уже не просто как негативная характеристика фильма, но как завуалирован- ное оскорбление реальных людей, за которым просматривается «напыщенность и консервативность критика».

Метафорически можно назвать подобные проявления авторской личности темой говорящего, но мы полагаем, что этос как проявление языковой личности связан не столько с содержательно-тематической организацией текста, сколько с так называемой линией автора (в тер- минах Ю. Н. Караулова) как индивидуального стилистического оформления текста.

Эготема и прагматический смысл высказывания. Исследователи разговорного диалога, использующие в качестве материалов отексто- ванные аудиозаписи бытовых разговоров, конкретизируют свои цели в изучении языковой личности, фокусируясь на системном описании особенностей речевого поведения, представленных в виде социальных речевых портретов: речь горожан детская речь, мужская и женская

речь и т.д. (М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, Т. В. Матвеева, Е. А. Земская).

Для построения речевых портретов вполне подходит предложенная Ю. Н. Карауловым структура языковой личности, представленная тремя уровнями: семантическим (отдельные слова, лексикон языковой личности), когнитивным или концептуальным (языковая картина мира, концептуальные метафоры, языковые стереотипы), прагматическим (коммуникативные стратегии в зависимости от коммуникативных ролей и коммуникативных целей) [4, с.56]. При этом прагматический компонент, связанный с выявлением иллокутивных смыслов сказанного (коммуникативных целей) является для исследователей решающим при интерпретации языковых данных.

В частности, Е. А. Земская, изучая специфику мужского и женского общения, приходит к весьма субъективному и не вполне лингвистическому выводу: «мужчина погружен в ход своих мыслей в течение беседы и не реагирует на окружающую обстановку. Женщина живет в открытом мире, чутко реагирует на все происходящее (детей, природу, домашних животных). Эти обстоятельства отражают их социальные роли в обществе» [3, с. 609]. Данное заключение сделано на основании прагматической интерпретации разговоров между мужем и женой, например, когда жене приходится три раза спросить «Чай пить будешь?». Исследователь утверждает, что это пример «психологической глухоты мужчин, то есть особой сконцентрированности на интересующей их теме и неспособности переключаться» [3, с. 607]. Автор рассматривает только вынужденную необходимость женщины-коммуниканта несколько раз повторить приглашение как значимую прагматическую характеристику. Но исследователя не заинтересовал тот факт, что жена сердито несколько раз повторила «Я тебя спрашиваю, чай пить будешь?», что может быть интерпретировано как трансляция пассивной агрессии и неблагоприятной картины взаимоотношений этой пары. Создается впечатление, что выявление иллокутивных смыслов высказываний как проявлений языковой личности в разговорном диалоге зачастую слишком субъективны и зависят скорее от пресуппозиций исследователя, чем от объективных научных алгоритмов.

В результате рассуждений о различных проявлениях языковой личности в тексте мы приходим к выводу о том, что при построении эготематической коммуникативной модели семейного речевого континуума изначально следует исключить из рассмотрения случаи проявления языковой личности на уровне текстовой модальности (отношения говорящего к сказанному), риторического этоса (образ личности говорящего на основании сказанного), прагматической иллокуции (ком-

муникативных целей говорящего, скрытых или явных, и их субъективной интерпретации слушающим).

Таким образом, мы предлагаем трактовать эготему в более узком смысле, исключительно как содержательный компонент текста, который проявляется как «разговор о себе», где предметом референции является сам говорящий. Следовательно, мы отличаем эготему как личностную референтную соотнесенность от других текстовых проявлений языковой личности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Борисова, И.Н. Русский разговорный диалог. Структура и динамика / И.Н. Борисова – Москва: Изд-во КД «ЛИБРОКОМ», 2009. – 320 с.
2. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического анализа / И.Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 141 с.
3. Земская Е. А. Язык как деятельность / Е.А. Земская. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 896 с.
4. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : ЛЕНАНД, 2024. – 264 с.
5. Китайгородская, М.В. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект / М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова – М. : Русские словари, 1999. – 396 с.
6. Матвеева, Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк / Т.В. Матвеева. – Свердловск : Издательство Уральского университета, 1990. – 172 с.
7. Crowther, B. Run, Bonnie and Clyde / Bosley Crowther // The New York Times [Электронный ресурс]. – 1967. – 3 сент. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/1967/09/03/archives/run-bonnie-and-clyde-run-bonnie.html> – Дата доступа: 07.04.2025.